

моему брату

*И жизнь, растрёпана, как блядь,
выходит как бы из тумана*

Борис Рыжий

*Ад — это вовсе не тьма, не тоска, не боль,
Это объём, в котором медленный алкоголь
Перетекает до некой кромки, до «пóлно-пóлно»*

Алексей Сальников

Мне исполнилось семь лет, и я, как это было принято в дни рождения, одета в лучшее розовое платье, почти полностью покрытое рюшами и глубокими, как лицо старика, складками. Платья — первое, с чем у меня ассоциируется детство, они были разными: розовое — для торжественных мероприятий, красное бархатное с кружевным воротником — для домашних посиделок и прихода гостей, голубое с передней частью, напоминающей корсет и густо покрытой пуговицами, — для прогулок.

За окном медицинского общежития на улице Саперов обычный екатеринбургский двор: металлические трубы зажимали двор, по ним мы с сестрой любили ходить, соревнуясь, кто дольше устоит. Трубы упирались в розовое здание, где праздновали банкеты и свадьбы: бесконечно играла музыка, сквозь закрытые окна слышался «ясный мой свет» Тани Булановой, хохот родственников и крики «горько!». Рядом с домом была стена-лазалка из металлических кругов, спаянных друг с другом в виде сот, мы любили представлять, что это высокие горы, и лезть по ним на самый верх. Периодически с девочками из двора мы устраивали соревнования, кто быстрее, я всегда проигрывала, потому что с детства была слабым ребенком. Зато я была единственной, с кем лазалка говорила: каждый шаг вверх превращался в слог, вместе они становились строкой: *с-пра-ва и сле-ва над уз-кой тро-пой круг-лые, час-тые лу-ны*^{*}.

Мама достала запрещенный сервиз из плотного крепкого материала, каждый стакан был украшен сложно устроенным орнаментом, который можно было

^{*} Строчка из стихотворения Майи Никулиной «Пристань и город у тёмной воды».

исследовать подушечками пальцев. Обычно секретные чашки хранились в стеклянном шкафу на верхней полке, чтобы мы с сестрой не смогли достать до них. Ана* запрещала пить из них в обычное время, только в дни рождения она открывала дверцу и вытаскивала кружку за кружкой, мыла жесткой губкой с Fairy, протирала вафельным полотенцем, наливала предварительно заваренный Azerçay с чабрецом и ставила по чашке на стол. Я собиралась сделать первый глоток, когда в дверь позвонили. Раз уж в дверь позвонили сегодня, то открыть ее должна я. Радостно побежала ее открывать — на пороге женщина, которую я до этого не видела, у нее было серое лицо, скупые волосы русого цвета и кожа, покрытая розовато-серыми пятнами**. Она сухо сказала: «С днем рождения, позови отца» — *интересно, откуда она знает, что у меня день рождения? может быть, из-за моего красивого платья? откуда она знает моего отца?* — «Папа, там тебя какая-то женщина зовет».

Радость быстро улетучивалась из комнаты и стала похожа на спущенный воздушный шар, мама встала и пошла к двери посмотреть, кто это. Отец, напротив, не торопился и в замешательстве задумчиво рассматривал стены коридора, пока неизвестная женщина не зашла в квартиру. Мы с сестрой не понимали, о чем речь, но по интонациям и громкости сразу осознали, что разговор явно неприятный. Прерывающийся на кашель голос незнакомой женщины сменялся на злой почти кричащий голос мамы, между ними периодически торчала отцовская речь.

Через какое-то время мы открыли дверь и увидели там длинного мальчика: в потертых спортивных штанах, сером джемпере. У него были черные волосы, большие пухлые губы, грустные карие глаза, он

* Мать (азерб.)

** Прости, что помню твою маму такой.

был растерянным, да и я его никогда раньше не видела. Папа сказал нам, что это наш брат. Его зовут Сережа. Он будет жить с нами. Так у меня семилетней появился двенадцатилетний брат.

Незнакомая женщина оказалась его матерью, случайной женщиной отца, о которой он серьезно не думал, пока она не сообщила ему, что беременна. Они заключили соглашение: он ей деньги, продукты и одежду для мальчика, она ему свидания с сыном и обещание не вмешиваться в отцовскую жизнь. Но сегодня она нарушила обещание, скоро ее заберут в тюрьму за распространение наркотиков. Мальчика отдавать было некому, и она решила привести его к отцу. Так моя мать узнала главную тайну папы, глазами очень похожую на него. А мой отец понял, что все тайное всегда становится явным.

Это был самый странный подарок на день рождения, который я когда-либо получала: незнакомый мальчик, которого не должно было быть.

Первые пару дней мы не говорили, опасливо посматривали друг на друга, как домашние животные, оказавшиеся в одном месте. Сережа видел в нас каких-то детей своего отца, а мы — мальчика в доме. Его поселили в зале, он спал на старом раскладывающемся диване, мама старалась с ним не говорить, просила нас передавать ему предметы и послания. Смотреть на него и говорить с ним для нее означало признать, что отец врал, врал семь лет брака, и несколько лет до него, врал о том, что никого не любил, врал о том, что задерживался на работе, — вся его ложь стала живым мальчиком. Мальчиком, с которым она предпочитала не говорить. Я зашла к нему в комнату, чтобы передать чистое постельное белье, он стоял у кровати и крестился.

— Что ты делаешь? — спросила я с неподдельным интересом, это был первый раз за мою жизнь, когда я видела человека, который крестится.

— Молюсь, если я умру ночью, то Бог сразу заберет меня к себе, — он подошел ко мне и перекрестил тоже, — если ты тоже умрешь, мы будем в одном месте.

Так у нас появилась традиция: каждую ночь перед сном я заходила к нему, мы вместе крестились на ночь, чтобы попасть в один рай. Прошла пара дней, и мы с сестрой уже привыкли к мальчику в соседней комнате. Мы стали разговаривать, играть вместе. В какой-то момент в доме появился компьютер, и мы втроем увлеченно усаживались напротив большого тяжелого квадратного экрана, чтобы пострелять в роли киллера, побегать на футбольном поле, сбить случайных проституток и прохожих на угнанной тачке в Лос-Анджелесе. Но самой любимой игрой была катапульта: Сережа брал большую серую подушку от дивана, усаживал на нее пятилетнюю сестру и имитировал дорожное движение: бум, кочка, кошка, мяу-мяу, остановка, в конце он подбрасывал сестру, и она летела сквозь всю комнату прямиком на матрас. Мы так быстро привыкли друг к другу, словно между нами никогда не было семи лет, прожитых врозь, оказалось, что учить детей любви не нужно — она уже была внутри. Мы приняли друг друга так стремительно, что даже наши родители были поражены, никто этого не ожидал. Особенно моя мать, она не могла смириться с тем, что в доме теперь живет главная ложь отца, она злилась на него без повода, злилась за всякие мелочи, злилась, если он не сразу помыл кружку или не постирал носки. Каждый раз, когда она на него смотрела, кто-то втыкал в нее острый наточенный нож-напоминание. Она неделями не говорила с отцом и очень долго привыкала к брату, пока, наконец, не смирилась. Придется жить с мальчиком.

Как это обычно и бывает, жизнь продолжилась: отец купил новую мебель и диван для Сережи, чтобы он не обижался, в доме появились футбольные гольфы, мяч, компьютерные стрелялки. Он все чаще

становился Серегой — так его называли соседские парни и папа.

— Серега, потопчи, — кричал отец из спальни, Сережа уже знал, что это значит встать на спину отца и пройти по ней пару раз. У него сильно болела спина по вечерам, отец обнаружил терапевтический эффект после массажа ногами, потому каждый вечер просил кого-то из детей поочередно потоптать.

После уроков мы играли в игры или обсуждали какие-то важные детские новости. Брат помогал нам с математикой, которую мы с сестрой ненавидели и не понимали, периодически он уходил играть в футбол с пацанами и просил не говорить отцу. Мы прикрывали его, когда вместо обещанного «присмотра за девочками» он сбегал гулять с соседом, — между нами установился своеобразный пакт. Мы не сдаем его, а он не сдает нас.

Однажды во время нашего очередного вечернего ритуала мама увидела, как Сережа меня крестит, она начала кричать, что этого делать нельзя, что я мусульманка, а он православный (его мать крестила его при первой возможности), что это идет вразрез нашей культуре — так, наш ритуал умер, остался лежать под ее словами, где-то между нашими телами, на холодном полу обыкновенного российского дома.

Перед сном я чувствовала пустоту и нехватку: мне не хватало этого простого и одновременно сложного жеста, я боялась, что если мы умрем этой ночью, то попадем в разные миры. Я не знала, насколько эти миры прозрачны: есть ли раздвижная дверь между православным и мусульманским миром или там пускают по пропускам? Что сказать охранникам рая, можно ли дать им шоколадку или угостить пивом? Отдать последнюю мамбу в упаковке? Сколько может стоить пропуск в общий рай, я не представляла, поэтому надеялась, что там просто будет кто-то добрый, кто сможет пропустить меня без жеста.